

Небо стремительно темнело, и в воздухе закружились первые снежинки. Всего через несколько мгновений они обернулись настоящей метелью, крупной, как пух. Тан Шоу уже не мог спокойно сидеть.

— Мама, — решительно сказал он, — я пойду к краю деревни посмотрю. Уже поздно, он должен бы вернуться. А теперь ещё и снег пошёл такой сильный...

Чжан-апо тут же поднялась сама — не только из-за тревоги за сына, но и потому, что боялась, как бы Тан Шоу не воспользовался случаем и не сбежал.

— Пойдём вместе, — строго сказала она.

Они заперли дверь на тяжёлый деревянный засов и двинулись в сторону деревенских ворот. Было темно, с низкого серого неба снег валил с такой густотой, что не видно стало ни дороги под ногами, ни горизонта. Всё было поглощено белым молчанием. Но Тан Шоу и Чжан-апо стояли в этой ледяной круговерти упрямо, поочерёдно топая на месте и разминаясь, лишь бы не замёрзнуть. Никто не знал, сколько времени прошло — Тан Шоу уже чувствовал, что превращается в ледяную статую, когда вдруг впереди послышались глухие, неровные шаги и голоса мужчин.

Они с Чжан-апо сразу побежали навстречу.

— Эй, вы? Там впереди — это Сюн Чжуаншань?

Ответа от него не последовало — вместо него отозвался чей-то незнакомый голос:

— Да, он. Ты, должно быть, его супруг? Иди скорее, посмотри сам — твой муж ранен.

— Что?! — вскрикнула Чжан-апо и, словно обезумев, рванула вперёд.

Тан Шоу поспешил следом. Подбежав ближе, он различил троих — двое поддерживали третьего, который, пошатываясь, опирался на их плечи.

— Что случилось? Где он ранен?

— Пустяки, — наконец проговорил Сюн Чжуаншань. Голос его был ровным, спокойным, будто ничего не произошло. Но Тан Шоу знал: если бы дело было в самом деле в "пустяках", он бы скорее умер, чем позволил себя тащить на руках.

На улице было слишком холодно, чтобы задерживаться, и слишком темно для разговоров. Они втроём поддержали Сюн Чжуаншаня и с трудом дотащили до дома, уложив на кровать.

Лампа с тусклым, колеблющимся пламенем осветила его лицо и одежду. Только теперь Тан Шоу увидел, насколько серьёзны раны: на теле — множественные порезы от чего-то острого, глубокие, с рваными краями. Но самым страшным оказался разрез на ноге — он был таким, что сквозь мясо чуть ли не проглядывала кость. Именно эта рана и сделала его неспособным идти — без посторонней помощи он просто не мог ступить.

Чжан-апо сидела рядом и тихо всхлипывала, не в силах сдержать слёзы. Тан Шоу тоже сжимало изнутри — смотреть, как упрямый, всегда невозмутимый Сюн Чжуаншань лежит израненный, было невыносимо. Сжав зубы, он взялся обрабатывать его раны. К счастью, тот с лета частенько ходил в горы на охоту, и в доме всегда имелся запас кровоостанавливающих и заживляющих мазей.

Когда всё было закончено, двое мужчин, помогавших тащить Сюн Чжуаншаня с гор, попрощались.

— Да Шань, — сказал один из них, — я тех двух диких коз, что ты добыл, тоже притащил, оставил у вас во дворе. Сейчас темно, не разглядел — не знаю, не испорчена ли шкура. Утром сам посмотришь.

Другой добавил:

— Сейчас холода пошли. Ты больше не ходи в горы. Звери в лесу голодные, озверевшие, опасно. Ничего такого срочного нет, что не подождёт до весны.

Сюн Чжуаншань поблагодарил:

— Я понял. И вам двоим спасибо, что не бросили, довели до дома.

— Да брось ты. Мы и не особенно помогли, ты уже сам с гор спустился. Мы только подхватили, когда идти стало тяжело. Так что и благодарить особо не за что. Мы пойдём — темно уже совсем.

Когда Тан Шоу проводил этих двоих обратно к воротам, и в доме остались только он и Чжан-апо, её взгляд изменился — стал колючим, как иглы. Глаза её, наполненные доселе тревогой, теперь будто налились ядом.

— Это всё ты! — зашипела она. — Ты, обжора, довёл моего сына! Всё мне ясно стало, как только ты с утра начал просить три приёма пищи! Ты ведь, небось, сам и подговорил его в горы пойти — захотелось тебе жирного мяса! Вот и получил, что хотел! Мой А-Шань теперь из-за тебя чуть на том свете не оказался!

Тан Шоу не знал, что ответить. Ни оправдаться, ни отвертеться он не мог. Ведь, услышав разговор мужчин, он уже и сам понял, в чём причина. Да, Сюн Чжуаншань пошёл в горы не

потому, что тот просил мяса — он сам не говорил ни слова. Но... ведь говорил, что спать на жёсткой доске невыносимо, вскользь обмолвился о войлочном матрасе. А войлок — вещь дорогая. Купить его было невозможно. Значит, Сюн Чжуаншань решил пойти на риск, подстрелить козу и выделать шкуру для него.

И что в итоге? — мрачно подумал Тан Шоу. Всё это — из-за меня.

И как бы ни была жестока отповедь Чжан-апо — она ведь была справедливой.

— Мама, не нужно, — Сюн Чжуаншань спокойно, но твердо перебил Чжан-апо, — Это не имеет к нему никакого отношения.

— Да что ты всё его защищаешь?! — вскинулась она. — Он сам о тебе хоть раз подумал?! Ты ради него лезешь в горы, а он тебе утром даже поест не сварит! Да у него в мыслях нет тебя, он только и думает, как бы сбежать! И не надо мне врать — я всё вижу! Иначе зачем бы ты позвал меня, сам-то ведь... ты ведь даже со мной обычно...

— Мама! — Сюн Чжуаншань перебил её уже резко, с нажимом в голосе. — Уже поздно. Отец один дома, волнуется. Пусть мой фулан тебя проводит.

Чжан-апо замолчала. Слезы катились по её щекам, и внутри всё сжалось: кое-что она, возможно, уже сделала неправильно. Бывают такие ошибки, после которых даже между самыми близкими людьми остаётся тень. Она больше не произнесла ни слова — только вытирала лицо рукавом, молча пошла за Тан Шоу, который довёл её до дома.

А как только вернулся обратно и за ними захлопнулась дверь, в доме остались только они вдвоём — Тан Шоу уже не выдержал. Слезы, сдерживаемые весь вечер, потекли одна за другой, срываясь с ресниц на щёки. Он судорожно тёр лицо рукавом, стирая слёзы и одновременно натирая нежную кожу до красноты.

— Ты глупый, да? — выдохнул он дрожащим голосом. — В горах что, мало опасностей? Стоило ли тебе жизнью рисковать ради каких-то шкур? Неужели пара шкур дороже тебе жизни?!

Сюн Чжуаншань сразу потянулся к нему, хотел успокоить, но Тан Шоу стоял слишком далеко — тот не дотянулся. Тогда Сюн Чжуаншань попытался приподняться, чтобы подойти, но...

— Эй! Ты что творишь?! — испугался Тан Шоу, быстро метнулся к нему и прижал к кровати. — Ты в таком состоянии, ещё и шевелиться вздумал?! Полежи спокойно, а?

Сюн Чжуаншань поймал Тан Шоу, как только тот подбежал ближе, и своей большой, шероховатой ладонью осторожно вытер слёзы с его щёк.

— Не плачь, — тихо сказал он. — Ничего страшного, правда. Просто с виду пугающе. Когда я

служил в армии, ранения и похуже были — помню, копьё насквозь грудь пробило, и ничего, выжил. У меня жизнь такая — крепкая. Меня так просто не возьмёшь.

Он небрежно рванул рубаху — и на широкой и мускулистой груди под дрожащим светом масляной лампы вспыхнули старые шрамы. Один — особенно заметный: широкая, неровная, будто выжженная отметина с ладонь размером, прямо над сердцем. Явно — от удара острым оружием.

У Тан Шоу от этого зрелища слёзы потекли ещё сильнее.

— Честно, правда ничего страшного, — продолжал Сюн Чжуаншань. — Я в те горы столько раз ходил, что каждый камень знаю. Сколько раз с хищниками сталкивался — всё проходило. Я же сильный, был случай — даже тигра уложил. А сегодня... Сегодня я просто хотел добыть тебе две хорошие шкурки. Старался не повредить мех, не порвать — потому и не стал добивать их сразу, вот и дал шанс поцарапать меня.

— Просто две глупые шкуры! — всхлипнул Тан Шоу. — Я же просто так сказал. Это же... Это же просто было мимоходом! Не то чтобы я и впрямь...

Сюн Чжуаншань лишь мягко улыбнулся:

— А я хочу, чтобы всё, что ты хочешь, стало твоим.

В эту секунду Тан Шоу, глядя на мужчину перед собой, вдруг почувствовал, как под слоем грубых слов, под его тяжёлым, угловатым телом и вечной сдержанностью скрывается что-то неожиданно простое и чистое. Лицо в слабом мерцании лампы казалось расплывчатым, но в его сердце — было отчётливо и ясно: этот человек... готов был ради него умереть.

А ведь для самого Тан Шоу это всё казалось чем-то почти механическим. Да, они делили ложе, но в его сознании всё ещё сохранялась дистанция — как между телами, что встречаются на одну ночь. Он ведь не тот, кем был раньше. Всё, что он делал, всё, ради чего оставался — было не от любви, а из расчёта. Остаться, выждать, дожидаться шанса уйти.

И вот теперь — этот мужчина, молча, без претензий, шёл на смерть ради того, что он — случайно, вскользь — пожелал.

И сердце Тан Шоу вдруг дрогнуло.

Но как бы ни сжалось сердце от этого порыва, как бы ни дрогнула душа в тот миг, Тан Шоу всё же знал: этого недостаточно, чтобы назвать это любовью. Настоящее чувство не рождается из одной лишь благодарности или тронутого сердца.

В прошлой жизни у него была девушка. Хоть они и не переступили черту, он точно знал — его

влекут женщины. А теперь ему нужно было принять мужчину. Психологически он просто не мог переступить эту грань.

Но Сюн Чжуаншань... он был готов пожертвовать собой. Отдал бы жизнь. И Тан Шоу понимал: он в долгу. Долг этот он не мог вернуть чувствами, но мог — делами. Пока он ещё здесь, пока не нашёл возможности уйти — он мог хотя бы заботиться о нём, обеспечить быт, оставить денег, чтобы после его ухода Сюн Чжуаншань мог начать новую, спокойную жизнь. Женится или снова возьмёт себе шуангэра. Главное, чтобы жил хорошо.

С этим решением на душе у Тан Шоу стало легче.

А чтобы успокоить раненого, упрямого мужлана, чтобы отвадить его в будущем от глупых поступков, он, чуть прищурившись, сказал с вызовом:

— Сюн Чжуаншань, если ты ещё раз так безрассудно полезешь куда-нибудь, подумай хорошенько, чем это может закончиться. Если... если с тобой и правда что-то случится — я не стану тебя оплакивать. Я сразу выйду замуж заново! Прямо в этот дом приведу любовника! Буду жить на твои сбережения, есть твои продукты, спать на твоей стороне кровати, а он — пусть спит со мной и твоих детей бьёт!

— Не смей! — взвился Сюн Чжуаншань, как будто всё это уже произошло. Только вообразив такое, он весь задрожал — ярость вскипела в нём мгновенно. Его взгляд стал диким, глаза налились кровью. Никто! Никто не посмеет тронуть его фулана.

Он рванулся и тут же вцепился в Тан Шоу, прижал к себе так резко, что тот с глухим стуком врезался в его твердую, как камень, грудь. Голова пошла кругом, а в следующую секунду Сюн Чжуаншань, не дав опомниться, грубо прижался губами к его губам — поцелуй был отчаянным, жадным, без всякой меры.

А когда отпустил, его голос звучал с угрозой — хриплый, надломленный, будто он сейчас не сдержится...

— Не смей! Я сказал, не смей! — глухо рявкнул Сюн Чжуаншань, обнимая его так, будто хотел вплавить в себя. — Живой — ты мой человек. Мёртвый — мой дух. В этой жизни ты только мой фулан. Только мой!

— Ты что делаешь?! — Тан Шоу попытался вырваться, задел его плечо. — Ты же ранен, хочешь умереть, идиот?!

Но Сюн Чжуаншань, стиснув зубы, не ослаблял хватки.

— Ты — мой, — выдохнул он сквозь зубы, яростно, глухо.

Слабый свет масляной лампы падал на его лицо, выхватывая из полумрака глаза — налитые красным, с алыми прожилками, полные бешенства и страха потерять. Он смотрел на Тан Шоу, как зверь, которого загоняют в угол — готовый на всё, лишь бы удержать.

Такой взгляд, такая дикость... Тан Шоу невольно вздрогнул. Эта животная ярость, эта пропитанная кровью жажда обладания пугала его. Он жил в мире, где насилие — редкость, где всё отрегулировано и смягчено. А этот человек — будто вышел из пламени войны, шёл по костям, видел смерть и кровь столько, сколько другим и не снилось.

Эта дикость, эта ярость — не игра. Она была настоящей. От неё тряслись руки.

Сюн Чжуаншань почувствовал, как его фулан дрожит, и тут же сжался, будто сам от собственной жестокости. Он прижал Тан Шоу к себе, как будто хотел спрятать, защитить, заглушить всё.

— Не бойся меня, — прошептал он, голосом глухим, с надломом. — Какой бы злой я ни был, я никогда... никогда не причиню тебе вреда. Не бойся меня...

В его голосе не было слез, но в нём было что-то более горькое, чем слёзы.

Тан Шоу, уткнувшись в его грудь, уже не видел лица, не встречал глазами этого безумия. Остался только знакомый запах — тепло кожи, дымка масляной лампы, лёгкий, едва уловимый запах трав, что остались от лекарств.

И вдруг правда — стало не так страшно.

— Я знаю, ты не сделаешь мне больно... просто... иногда немного страшно, — тихо проговорил Тан Шоу, уткнувшись в его грудь. — Но ты отпусти меня, ладно? У тебя же нога ранена, я не могу сидеть на тебе.

Но Сюн Чжуаншань, упрямый, как всегда, обнял его крепче, не отпуская:

— Тогда возьми свои слова назад. Скажи, что ты просто пугал, что всё это неправда!

— А ты поклянись, — в тон ему отозвался Тан Шоу, — что больше никогда не будешь рисковать своей жизнью из-за пары глупых шкур.

Сюн Чжуаншань на миг замер, потом вдруг спросил:

— Фулан... ты это потому что... волнуешься за меня?

— А ты только сейчас это понял? — выдохнул Тан Шоу, и в голосе его зазвенела мягкая насмешка. — Глупый ты медведь...

Сердце в груди было вдруг такое тёплое, тихое, будто и правда — на какое-то время можно не бояться ничего. В этот миг Тан Шоу ощущал: пусть он и не в силах ответить любовью, но он может подарить этому человеку немного настоящего, искреннего тепла.

Сюн Чжуаншань рассмеялся — тихо, как будто из него только что вышла вся мрачность, вся боль.

— Я обещаю. Больше никогда не буду так рисковать. Только ты... ты тоже заberi свои слова обратно!

— Хорошо, — кивнул Тан Шоу, — забираю. До тех пор, пока Сюн Чжуаншань будет жив-здоров, я останусь его фуланом. Всю жизнь.

Сюн Чжуаншань прижался щекой к его лицу, и тёплое дыхание щекотало кожу — мягкое, спокойное. Но слова при этом прозвучали всё же не такими уж мягкими:

— Ты только мой. Даже если умру — буду твоим призраком. Даже если я превращусь в духа, я всё равно останусь рядом. И не смей... никогда не смей искать другого.

Несмотря на все свои травмы, на следующий день Сюн Чжуаншань не мог усидеть на месте. Крестьянский дух, воспитанный с детства, не позволял валяться в постели. И вот он, хромая, со скрюченным от боли лицом, всё же вылез во двор, притащил коз и с упорством настоящего деревенского мужика принялся за работу — резать туши и снимать шкуры.

Рана на ноге Сюн Чжуаншаня хоть и была глубокой, но кости и сухожилия не задела — рогом козла её распорол, как острым серпом. Больно, конечно, и мучительно, но если не занести инфекцию, угрозы для жизни не было. Шрам останется, да — но не впервой. Он был крепким, выносливым, тело срабатывало, как броня. Обработал ранку сам: облил самогоном, присыпал лекарственным порошком. Жара не было, воспаления тоже. И хоть боль сжимала каждое движение — он не придавал ей особого значения. После того, что он пережил на войне, это и вовсе казалось ерундой.

Тан Шоу, войдя в комнату и не обнаружив Сюн Чжуаншаня, тут же ощутил, как в глазах загорелся гнев — две искры пылали в зрачках. Он со стуком отбросил полог и поспешил в двор. Там, на фоне зимнего воздуха, хромая, но уверенно, стоял его муж и что-то делал у стола.

— Сюн Чжуаншань! — закричал Тан Шоу во весь голос, готовясь устроить нагоняй.

Мужчина спокойно обернулся.

И Тан Шоу — остолбенел.

На пеньке лежала только что убитая дикая коза, кровь с рассечённого горла стекала ровной струёй в деревянное ведро. В руках у Сюн Чжуаншаня был длинный, сверкающий обвалочный нож, все лезвие покрыто свежей кровью. Капли стекали с кончика, падали на землю с чётким кап... кап... кап... А сам он стоял спокойно, лицо каменное, холодное, будто и не животное, а врага только что отправил в могилу.

— Что-то хотел? — спокойно спросил он.

— Н... нет, — Тан Шоу, уже набравший воздуха в лёгкие, вдруг почувствовал, как голос срывается. Всё возмущение застряло в горле, и он буквально проглотил его обратно.

— Тогда иди в дом.

— Что?

— Или ты хочешь смотреть, как я снимаю с неё шкуру?

Тан Шоу замотал головой с такой скоростью, что едва не вывернул шею. А потом развернулся и, дико стуча пятками, умчался в дом. Захлопнул дверь, прислонился к стене и судорожно, прерывисто задышал, чувствуя, как сердце колотится так, будто сейчас выпрыгнет.

Он понимал: Сюн Чжуаншань сделал это нарочно. Он нарочно выставил напоказ свою пугающую, кровавую сторону — чтобы напомнить ему: даже с травмой, даже с порезанной ногой, он остаётся тем, кем был. Солдатом. Охотником. Убийцей, если понадобится. И если Тан Шоу вдруг задумает бежать — он далеко не уйдёт.

А во дворе Сюн Чжуаншань посмотрел на нож, криво усмехнулся и приподнял бровь — весьма довольный собой. Так-то. Пусть знает: даже с раной из этого двора он его не выпустит.

<http://bllate.org/book/13592/1205337>